

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2025-3-169-199

Темпоральность профессионального самоопределения студентов России и Беларуси

М.В. Певная¹, А.Н. Тарасова², Д.Ф. Телепаева³

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: ¹m.v.pevnaya@urfu.ru; ²a.n.tarasova@urfu.ru; ³daria.telepaeva@urfu.ru

С.Н. Щербинин

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика
Беларусь.

E-mail: s.scherbinin@grsu.by

✉ m.v.pevnaya@urfu.ru

Аннотация. Введение. Массовизация образования в сочетании с высокой скоростью трансформации рынка труда актуализируют вопрос профессионального самоопределения и выстраивания траекторий профессионального развития студентов. Цель исследования – проанализировать субъективные оценки студентов России и Республики Беларусь в отношении ключевых характеристик темпоральности их профессионального самоопределения. Методология, методы и методики. Профессиональное самоопределение студентов рассматривается как темпоральное, включающее временную перспективу от выбора вуза и специальности (связь с прошлым) до планирования дальнейшего своего профессионального пути после окончания вуза (связь с будущим). Статья построена на данных опроса 3000 студентов 3 курса России (Екатеринбург) и Республики Беларусь (Гродно). Выборка квотная по полу и профилю подготовки. Результаты. Доля удовлетворенных получаемой профессией высока (около 90 %), но профессиональное целеполагание осуществляет лишь около трети студентов. При случайном выборе профессии в прошлом, даже в настоящем воспринимая ее уже как удовлетворяющую, студенты продолжают мыслить ситуационно, не выстраивая долгосрочной профессиональной траектории на будущее и ограничивая планирование лишь действиями после окончания вуза. При этом почти половина студентов из России (47 %) и более двух третей из Республики Беларусь (71 %) готовы при необходимости переквалифицироваться и освоить новую профессию. При схожести структур трудовых ценностей и мотивов удовлетворенности профессией и пониманием ее содержания у российских и белорусских студентов восприятие будущего различно, что обусловлено разными механизмами выхода на рынок труда. Научная новизна состоит в разработке и реализации авторского исследовательского подхода к изучению ключевых аспектов темпоральности профессионального самоопределения студенчества.

В анализе данных социологического опроса студентов двух стран показаны возникающие в молодежном сознании связи прошлого, настоящего и будущего в отношении их профессионального становления, определены воздействующие на этот процесс факторы. *Практическая значимость.* Результаты исследования могут быть использованы руководством университетов для формирования у студентов осознанного профессионального целеполагания как ключевого звена в процессе профессионального самоопределения.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, темпоральность, профессиональное развитие, студенчество, белорусская молодежь, российская молодежь

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 24-48-10012, <https://rscf.ru/project/24-48-10012/>

Для цитирования: Певная М.В., Тарасова А.Н., Телепаева Д.Ф., Щербинин С.Н. Темпоральность профессионального самоопределения студентов России и Беларуси. *Образование и наука.* 2025;27(3):169–199. doi:10.17853/1994-5639-2025-3-169-199

The temporality of students' professional self-determination in Russia and Belarus

M.V. Pevnaya, A.N. Tarasova, D.F. Telepaeva

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: ¹m.v.pevnaya@urfu.ru; ²a.n.tarasova@urfu.ru; ³daria.telepaeva@urfu.ru

S.N. Shcharbinin

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus.

E-mail: s.scherbinin@grsu.by

✉ m.v.pevnaya@urfu.ru

Abstract. Introduction. The massification of education, coupled with the rapid transformation of the labor market, highlights the importance of professional self-determination and the development of pathways for students' professional growth. *Aim.* The present research aims to analyse the subjective assessments of students from Russia and Belarus concerning the key characteristics of the temporality of their professional self-determination. *Methodology and research methods.* Students' professional self-determination is viewed as a temporal process, encompassing a time perspective that ranges from selecting a university and field of study (reflecting on the past) to planning their future professional trajectory after graduation (looking toward the future). This article is based on data collected from a survey of 3,000 third-year students from Russia (Ekaterinburg) and Belarus (Grodno). The sample was stratified by gender and educational profile. *Results.* The proportion of young people who are satisfied with their professions is high, at approximately 90%. However, only about one-third of students engage in professional goal setting. This suggests that, despite having made random choices regarding their professions in the past and currently perceiving them as satisfying, students tend to think situationally. They often fail to construct a long-term professional trajectory for the future, limiting their planning to actions that occur only after graduation. Notably, nearly half of the students from Russia (47%) and more than two-thirds from the Republic of Belarus (71%) are willing to retrain and learn a new profession if necessary. While there are similarities in the structures of labour values and the motives for job satisfaction among Russian and Belarusian students, their perceptions of the future differ due to varying mechanisms for entering the labour market. *Scientific novelty.* The scientific novelty of this research lies in the development and imple-

mentation of a novel approach, created by the authors, to examine key aspects of the temporality of students' professional self-determination. An analysis of data from a sociological survey conducted among students in two countries reveals the connections between the past, present, and future that emerge in the consciousness of youth regarding their professional development. Additionally, the factors influencing this process are identified. *Practical significance*. The results of the study can be utilised by university management to facilitate students' conscious professional goal setting, which serves as a crucial component in the process of professional self-determination.

Keywords: professional self-determination, temporality, professional development, students, Belarusian youth, Russian youth

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Science Foundation (project № 24-48-10012, <https://rscf.ru/en/project/24-48-10012/>)

For citation: Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Telepaeva D.F., Shcharbinin S.N. The temporality of students' professional self-determination in Russia and Belarus. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(3):169–199. doi:10.17853/1994-5639-2025-3-169-199

Введение

Студенты учреждений высшего образования – ядро, «элита» человеческого капитала разных стран. От качественных характеристик молодежи как будущих профессионалов зависит социально-экономическая устойчивость любого государства. Граждане, имеющие высшее образование, – сообщество, которое прошло в вузе определенную социализацию [1]. Они протраивают свой жизненный путь, при этом не всегда учитывают объективные реалии и свои карьерные перспективы. По данным Росстата, на 2023 год почти у четверти (23,8 %) выпускников российских вузов основная работа не связана с полученной профессией¹. Для университетов всего мира в условиях массовизации высшего образования актуальным остается вопрос о том, как в процессе обучения могут формироваться профессиональная идентичность и траектории профессионального развития студентов [2].

Проблема связи высшего образования и реального рынка труда – актуальная институциональная проблема. В рамках нее молодые профессионалы не всегда доходят до отраслей экономики, для которых их готовит система высшего образования. В одних случаях это приводит к кадровому дефициту в определенных сферах труда. В других – к сложностям трудоустройства, а иногда и к потере ресурсов самими молодыми профессионалами. При общих трендах ситуация несколько различается и в разных странах [3]. В России фиксируется, что уровень и скорость трудоустройства выпускников относительно высоки [4]. Подобная ситуация характерна и для Республики Беларусь [5].-

В условиях нарастающей скорости технологических, политических и социально-экономических изменений, происходящих в обществе, приводящих к усилению его неустойчивости и восприимчивости к любым, даже малым, воздействиям, возрастанию сложности и открытости затрагиваются сущ-

¹ Обследование рабочей силы 2023 // Федеральная служба государственной статистики [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 20.11.2024).

ностные свойства общества [6]. В последние годы исследователи все чаще фиксируют нестабильность социальной системы и ее подсистем, в том числе высшего образования, а также нелинейность жизненных стратегий и планов молодежи. Речь идет об адаптации молодого поколения к происходящему за счет ресурсов саморегуляции смысложизненных ценностей [7]. В этой системе ценностей неоднозначно и подвижно отношение к образованию и профессии, оценка их значимости в личной жизни, отражающиеся в профессиональном самоопределении молодежи. Она реагирует на объективные процессы, связанные с трансформацией рынка труда, общественным запросом на определенные профессиональные группы и изменение их престижности. Для этого молодое поколение должно оценивать объективные условия своего трудоустройства, соотносить их со своими возможностями и желаниями, осознать и видеть траекторию индивидуального профессионального развития, включая его в свою жизненную стратегию, построение карьеры.

Исследовательская проблема сопряжена с пониманием того, как процесс профессионального самоопределения студенчества вписывается в контекст социально-экономических изменений общества и высшего образования, трансформирующих не только социальные структуры, но и сознание студентов как субъектов действия. Для повышения эффективности реализации образовательных программ в высшем образовании важно представление о том, как выбор профессии, профессиональное обучение и самореализация интегрируются в пространственно-временное пространство жизненного мира студенчества, как осуществляется синхронизация планов и деятельности будущих профессионалов с происходящими вокруг них социальными процессами.

Цель статьи – проанализировать субъективные оценки студентов России и Республики Беларусь в отношении ключевых характеристик темпоральности их профессионального самоопределения.

Для достижения заявленной цели в исследовании решен ряд задач: проведен социологический анализ субъективных оценок студенческой молодежи в отношении ценностных основ их будущей трудовой деятельности; проанализированы мнения студентов о сделанном ими выборе образования и профессии; дана критическая оценка готовности белорусских и российских студентов к самостоятельному и осознанному планированию своего профессионального будущего.

Обзор литературы

В теоретическом и практическом ракурсах обозначенная в данной статье исследовательская проблема затрагивает научные исследования темпоральности жизни, а также связи профессионального и жизненного самоопределения в повседневном мире студенческой молодежи.

Темпоральность, согласно идеям М. Хайдегера, означает «универсальный горизонт понимания бытия как такового. Это конкретное исполнение временности (*die Zeitlichkeit*) как смысла бытия человеческого (*Dasein*)» [8].

В исследовании Т. В. Карадже понятие «темпоральность» определяется и как динамическая характеристика социальных систем, отражающая субъективное восприятие временности, относительно которой происходит ее интерпретация, а также и интенциональность субъективного в реальность, саморефлексию по поводу происходящего [9]. По мнению П. А. Амбаровской и Г. Е. Зборовского, еще одна характеристика темпоральности – социальное время как форма и способ жизнедеятельности социального субъекта (индивида, общности, общества), которое может быть не только описано и измерено объективно, но и зафиксировано на основе мнений, оценок и представлений социальных субъектов при построении жизненных планов [10].

Темпоральность в профессиональном развитии личности связывается с определенными временными интервалами – этапами выбора профессии и образования, обучения, трудоустройства и профессиональной деятельности, которые фиксируются в восприятии как молодежной общности, так и отдельного ее члена за счет включения в них определенных жизненно важных для этого индивида событий. В такой логике темпоральность становится базисной характеристикой субъективного времени индивида. Она синтезирует ситуативно-биографическое и индивидуальное время в процессах социализации и социально-профессиональной идентификации индивидов через упорядочивание комплекса событий и явлений в ментальных образах жизненного опыта человека [11].

В этой связи в исследовании профессионального самоопределения молодежи соотносятся смысловые значения интерпретации студентов в отношении выбора профессии и образования в личном прошлом, обучения в настоящем, их оценки в контексте прогнозирования и планирования/непланирования своего профессионального будущего, интегрированного в жизненный путь личности. По мнению И. А. Коха и В. А. Орлова, определяться этот путь будет социальными условиями и ценностными ориентирами личности [12]. В самоопределении личности базисом являются ценностная основа, представления индивида о жизненных ценностях. Профессиональные ценности формируются в процессе получения высшего образования. Т. И. Касьянова с коллегами выявили, что трудовые ценности трансформируются, для студенчества возрастает значимость самовыражения и самореализации [13].

Исследователи доказывают, что профессиональное и жизненное самоопределение молодежи взаимоувязаны. В условиях цифровизации они хорошо изучаются через субъективную оценку студентами их жизненных перспектив, жизненных целей и ценностей [14]; статусных ожиданий [15]; через образ социального будущего и представления о возможностях реализовать свой индивидуальный жизненный проект в нем [16]; через сценарии прогнозирования профессионального будущего обучающимися [17].

В концепции Э. Ф. Зеера важным видится процессуальность профессионального самоопределения – от выбора профессии до его продолжения на протяжении всей трудовой жизни человека. Оно соотносится с такими жизненными событиями и практиками, как выбор профессии, поиск смыслов про-

фессиональной деятельности, способов ее реализации [18]. В междисциплинарном дискурсе профессиональное самоопределение связывается с поиском себя, а интегральной его характеристикой являются жизненные стратегии индивида. Они позволяют человеку видеть себя не только в настоящий момент, но и в перспективе своего личного будущего, в том числе за счет целеполагания [19]. Возможности студентов определяют их уровень понимания своих перспектив и готовность к трудоустройству на рынке труда [20]. D. Jackson et al. доказывают, что в своем профессиональном самоопределении студенты переходят от коллективных к более индивидуальным целям карьерного развития [21].

Темпоральность профессионального самоопределения связана с короткими жизненными событиями и долгосрочным жизненным планированием. К первому относится профессиональный выбор как решение, которое, как правило, затрагивает короткую жизненную перспективу, связанную с периодом профессионального обучения. В долгосрочной перспективе профессионального самоопределения важен потребностно-мотивационный компонент, который стимулирует не только краткосрочные решения, но и профессиональное мышление студентов [22]. В последнем важна постановка целей, которая порождает личностный смысл деятельности. Внутренняя мотивация позволяет личности принять деятельность, что приводит не только к повышению качества последней, но и удовлетворенности самого человека. Мотивация студентов связана с перспективами будущего трудоустройства [23]. Большая часть студентов рассчитывает на карьерный рост и стабильный материальный достаток, но не всегда уверена в успешности своего трудоустройства [24]. Большинство в качестве основного мотива труда определяется материальное вознаграждение, они стремятся к материальному достатку [25]. Белорусские исследователи отмечают постепенное снижение значимости такой характеристики, как высокая оплата труда. При этом сама работа рассматривается в качестве «гаранта нормальной жизни человека и успешного существования семьи» [26].

По мнению Л. Г. Титаренко, ввиду ряда причин, в том числе сходства социально-экономических условий России и Беларуси, существенные различия в структуре профессионального самоопределения студентов отсутствуют [27]. Немалая доля студенческой молодежи реализует неактивную образовательно-профессиональную стратегию, детерминированную некритично воспринимаемыми ценностями окружающей среды и давлением внешних обстоятельств [28]. Выбор профессии в таких случаях пассивен из-за ориентации на мнение социального окружения, желания получить диплом, а не профессиональные знания, ухода от проблем [29]. Еще одной важной характеристикой профессионального самоопределения является проактивное карьерное поведение, предполагающее планирование карьеры, развитие навыков, карьерные консультации и построение сетей [30].

В качестве проблемы профессионального самоопределения рассматривается то, как студенты в своих жизненных сценариях соотносят планы продолжать обучение или работать по специальности. Далеко не все поступающие в вузы нацелены на работу по выбранной специальности в будущем. Все больше

студентов понимают необходимость продолжения обучения для успешности своей личной карьеры [31]. Осуществляя выбор между продолжением обучения и работой по специальности, в Беларуси молодые люди предпочитают ограничиться бакалавриатом (обучением на первой ступени высшего образования) [32]. Решение о продолжении обучения, как правило, принимается после получения практического опыта.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы по проблематике исследования позволил выделить теоретические идеи, важные для изучения темпоральности профессионального самоопределения студенческой молодежи двух стран. Во-первых, профессионально-трудовые ценности в сознании молодежи соединяют прошлое, настоящее и будущее как базис профессионального самоопределения молодых людей. Именно ценностная основа помогает индивиду в его самоопределении выбрать вуз и профессиональную сферу будущей трудовой деятельности, поддерживает удовлетворенность личности сделанным выбором и содержанием профессионального обучения, а также определяет в будущем его планы, в том числе профессиональные.

Во-вторых, выбор вуза и специальности в оценках студентов – восприятие прошлого в темпоральном измерении их профессионального самоопределения. В таком ключе мотивация сделанного выбора может являться в настоящем индикатором уровня профессионального самоопределения (от случайного до осознанного выбора) и определять в представлениях студентов образ их профессионального будущего.

В-третьих, выбор вуза и специальности по глубине профессионального самоопределения студентов может детерминировать степень их удовлетворенности образованием и выбранной профессией. Планирование профессиональной карьеры студентами может быть связано с повышением их образовательного уровня либо перспективами выхода на рынок труда.

Таким образом, профессиональное самоопределение молодежи может оцениваться как процесс, протекающий в определенные жизненные периоды, когда практически все члены студенческой общности сталкиваются с типичными жизненными ситуациями, в которых они реализуют или не реализуют в полной мере свое целеполагание, выставляя перед собой профессиональные цели и осознавая выбранную стратегию профессионального развития и ее траекторию. В темпоральном измерении этих стратегий выбор профессии, удовлетворенность образованием и сделанным профессиональным выбором при наличии у индивида профессиональных целей и готовности к ним двигаться являются индикаторами относительной завершенности в сознании студентов вузов этого процесса на этапе получения профессионального образования с учетом разных жизненных сценариев их будущего. В данной статье мы хотим ответить на ряд исследовательских вопросов:

Как социально-экономические условия и контекст изменений в высшем образовании формируют жизненные сценарии молодого поколения?

Какое место и временной интервал в этих сценариях занимает процесс становления профессионала, где высшее образование – лишь один из этапов профессионального развития?

Как жизненные и профессиональные планы связаны с профессиональным выбором студентов, их удовлетворенностью процессом обучения и будущей профессией?

Методология, материалы и методы

Профессиональное самоопределение в данной работе рассматривается как процесс интеграции в социально-профессиональную структуру, который начинается еще в детстве с проявления интереса к профессии, продолжается в освоении профессии и условно завершается осознанием себя как профессионала в какой-то сфере, способного планировать свое профессиональное будущее и ставить перед собой профессиональные цели. В данном процессе есть несколько точек бифуркации, когда в контексте конкретной социально-экономической ситуации и личных жизненных обстоятельств может происходить переосмысление своего профессионального выбора и смена траектории и вариантов своего профессионального развития. К основным таким точкам мы относим момент выбора вуза и специальности и момент завершения обучения и выхода на рынок труда, а профессиональное самоопределение студентов, находящихся между этими двумя точками бифуркации, рассматривается как темпоральное, базирующееся на трудовых ценностях и включающее временную перспективу от выбора вуза и специальности (связь с прошлым) до планирования дальнейшего своего профессионального пути после окончания вуза (связь с будущим). На рис. 1 представлена общая схема анализа темпоральности профессионального самоопределения студентов.

Рис. 1. Темпоральный контур профессионального самоопределения студентов

Fig. 1. The temporal contour of students' professional self-determination

После реального выхода на рынок труда, скорее всего, профессиональный выбор и траектория последующего развития вновь переосмысляются, но в период обучения полный цикл профессионального самоопределения студентов должен включать не только их видение себя сейчас (как осваивающих профессию, удовлетворенных ей), но и их представления о своем личном будущем в контексте профессии (профессиональное целеполагание).

Эмпирической базой статьи послужили результаты опроса студентов России (Екатеринбург) и Республики Беларусь (Гродно) в рамках проекта «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества». Опрашивались студенты 3 курса как уже прошедшие адаптацию в вузе, но еще не озабоченные в полной мере необходимостью трудоустройства. Общий размер выборки составил 3000 студентов из 15 вузов, в том числе 2000 человек из Екатеринбурга (12 вузов) и 1000 из Гродно (3 университета). Ошибка выборки по одному признаку составила менее 3 % с вероятностью 0,95. Выборка в разрезе стран квотирована по полу, профилю подготовки и вузам и соответствует структуре генеральной совокупности (таблица 1).

Таблица 1
Характеристики сообщества студентов 3 курса

Table 1
Characteristics of the 3rd year student community

Параметры объекта исследования / <i>Parameters of the research object</i>		Россия (Екатеринбург) / <i>Russia (Ekaterinburg)</i>				Беларусь (Гродно) / <i>Belarus (Grodno)</i>			
		Генеральная совокупность ¹ / <i>General population</i>		Выборочная совокупность / <i>Sample population</i>		Генеральная совокупность / <i>General population</i>		Выборочная совокупность / <i>Sample population</i>	
		<i>N</i>	<i>%</i>	<i>n</i>	<i>%</i>	<i>N</i>	<i>%</i>	<i>n</i>	<i>%</i>
Всего / Total		14 685	100	2 000	100	6 843	100	1 000	100
Профиль обучения / <i>Training profile</i>	Гуманитарные науки, педагогические науки и образование, искусство и культура / <i>Humanities, pedagogical sciences and education, arts and culture</i>	2 703	18	352	18	2 059	30	301	30
	Науки об обществе / <i>Social Sciences</i>	4 227	29	582	29	2 316	34	339	34
	Математические и естественные науки, медицинские науки, сельскохозяйственные науки / <i>Mathematical and natural sciences, medical sciences, agricultural sciences</i>	2 483	17	348	17	1 393	20	204	20
	Инженерное дело, технологии и технические науки / <i>Engineering, Technology and Technical Sciences</i>	5 272	36	718	36	1 075	16	157	16
Пол / <i>Gender</i>	Юноши / <i>Men</i>	6 902	47	880	44	3 147	46	460	46
	Девушки / <i>Women</i>	7 783	53	1 120	56	3 696	54	540	54

¹ Данные о численности студентов III курса Свердловской области в 2023 году по профилям подготовки и полу с сайта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed> (дата обращения: 20.12.2024).

Результаты исследования

Ценностно-мотивационная основа профессионального самоопределения

Многими исследователями отмечалось, что доминирующими трудовыми ценностями современной молодежи являются высокая оплата труда и карьерный рост. В нашем исследовании данные ценности также вышли на первый план, но 3-е место (у белорусских студентов – 4-е место) заняла социальная значимость работы, возможность приносить пользу людям (таблица 2).

Таблица 2
 Наиболее важные аспекты будущей работы (% от опрошенных по странам)

Table 2
 The most important aspects of future work (% of respondents by country)

Что для вас самое важное в будущей работе? / <i>What is most important to you in your future work?</i>	Россия (Екатеринбург) / <i>Russia (Ekaterinburg)</i>	Ранг / <i>Rank</i>	Беларусь (Гродно) / <i>Belarus (Grodno)</i>	Ранг / <i>Rank</i>
Возможность получать большие заработки, высокие доходы / <i>The opportunity to earn big, high income</i>	60	1	53	2
Возможность построить карьеру / <i>Opportunity to build a career</i>	55	2	65	1
Возможность принести пользу людям / <i>Opportunity to benefit people</i>	52	3	40	4
Хорошие условия труда / <i>Good working conditions</i>	51	4	22	8-9
Возможность постоянного самосовершенствования / <i>Opportunity for continuous self-improvement</i>	50	5	29	7
Возможность достичь признания, уважения в профессиональном сообществе / <i>Opportunity to achieve recognition and respect in the professional community</i>	47	6	43	3
Возможность занять высокий пост, должность / <i>Opportunity to occupy a high position, position</i>	45	7	38	5
Творческий, интересный характер работы / <i>Creative, interesting nature of work</i>	44	8	11	13
Возможность полнее реализовать свой потенциал / <i>The opportunity to realise your full potential</i>	26	9	36	6
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе / <i>The opportunity to work in a good, friendly team</i>	19	10	15	10
Самостоятельность, независимость / <i>Independence, self-reliance</i>	17	11	22	8-9
Стабильность занятости / <i>Employment stability</i>	15	12	13	12
Соответствие работы моим способностям, знаниям, умениям / <i>The work matches my abilities, knowledge, and skills</i>	14	13	10	14
Высокий престиж профессии / <i>High prestige of the profession</i>	13	14	14	11
Связь с современной техникой, новейшими технологиями / <i>Connection with modern technology, the latest technologies</i>	7	15	5	15

При определенной схожести структур трудовых ценностей у российских и белорусских студентов фиксируются значимые отличия в оценке важности хороших условий труда, творческого характера работы и возможности постоянно самосовершенствования. Данные ценности оказываются менее значимы для студентов из Гродненской области в сравнении со студентами Свердловской области. Возможно, это объясняется проводимой в Республике Беларусь процедурой распределения, когда выпускники обязаны отработать установленные сроки обязательной работы. Кроме того, это связано с развитой системой регулирования, обеспечения и контроля данных направлений, законодательными требованиями к их составляющим и надзором за соблюдением.

Студенческая молодежь в большей степени при выборе будущей работы (профессии) ориентирована на карьерный рост, самосовершенствование, развитие, реализацию своего потенциала и в меньшей мере учитывает соответствие работы своим способностям, знаниям и умениям: таковых 14 % среди российских и 10 % среди белорусских студентов.

Несмотря на доминирование инструментально-статусных трудовых ценностей (высокий заработок, карьера), большинство студентов при выборе вуза руководствуется интересом к профессии и/или наличием способностей именно в этой области (таблица 3), что составляет основу профессионального самоопределения, где опять же мотив интереса к профессии преобладает в сравнении с оценкой своих возможностей.

Таблица 3

Мотивы выбора вуза (% от опрошенных по странам)

Table 3

Motives for choosing the university (% of respondents by country)

Факторы профессионального самоопределения / <i>Factors of professional self-determination</i>	Что побудило к поступлению в вуз? / <i>What prompted you to enter university?</i>	Россия (Екатеринбург) / <i>Russia (Ekaterinburg)</i>	Беларусь (Гродно) / <i>Belarus (Grodno)</i>
Ядро профессионального самоопределения / <i>The core of professional self-determination</i>	Интерес к профессии / <i>Interest in the profession</i>	49	62
	Наличие способностей именно в этой области / <i>Having abilities in this particular area</i>	34	13

¹ Вопросы распределения, направления на работу, перераспределения, последующего направления на работу выпускников урегулированы статьями 83–88 Кодекса Республики Беларусь об образовании и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 июня 2011 г. № 821 «О некоторых вопросах распределения, перераспределения, направления на работу, последующего направления на работу выпускников, возмещения затраченных государством средств на их подготовку и целевой подготовки специалистов, рабочих, служащих».

Влияние социального окружения (социальный контекст) / <i>Influence of social environment (social context)</i>	Повлияли семейная традиция, родители / <i>Family tradition and parents influenced</i>	8	5
	Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения / <i>The desire to have an interesting social circle in the present and future</i>	8	9
	Совет учителей, специалистов по профориентации / <i>Council of teachers, career guidance specialists</i>	3	3
	Учеба в специализированном классе, колледже, училище / <i>Studying in a specialised class, college, school</i>	2	2
Экономические факторы профессионального самоопределения (экономический контекст) / <i>Economic factors of professional self-determination (economic context)</i>	Возможность обеспечить хорошее материальное положение в будущем / <i>The opportunity to ensure a good financial situation in the future</i>	42	37
	Привлек престиж, авторитет вуза / <i>Attracted by the prestige and authority of the university</i>	36	14
	Перспектива найти хорошую работу после вуза / <i>Prospects of finding a good job after graduation</i>	18	21
Случайный выбор профессии (ситуационный контекст) / <i>Random choice of profession (situational context)</i>	Желание получить диплом о высшем образовании / <i>Desire to obtain a higher education diploma</i>	53	44
	Возможность получить отсрочку от службы в армии / <i>Possibility of obtaining a deferment from military service</i>	24	7
	Возможность поступить согласно моим баллам ЕГЭ / <i>Possibility to enroll according to my USE scores</i>	21	26
	Возможность поступления на бюджет / <i>Possibility of admission to a budget place</i>	20	16

При выборе вуза и специальности учитываются и другие факторы, прежде всего экономические (возможность обеспечить хорошее материальное положение в будущем, престиж, перспектива найти хорошую работу) и социальные (влияние окружения – родителей, учителей, одноклассников и т. п.).

Достаточно высока доля тех, кто руководствовался ситуационным контекстом при выборе вуза (желание получить диплом о высшем образовании, бюджетное место, отсрочку от армии). Как правило, эти мотивы сочетаются с другими и носят подкрепляющий характер. Но примерно у каждого десятого студента (8 % российских и 12 % белорусских) этот выбор обусловлен только ситуационным контекстом, соответственно, можно констатировать случайность профессионального выбора.

Учитывая, что студенты могли выбрать несколько мотивов, побудивших их поступить в вуз, ответы были сгруппированы по факторам, на основе структурирования которых выделены уровни профессионального самоопределения (рис. 2).

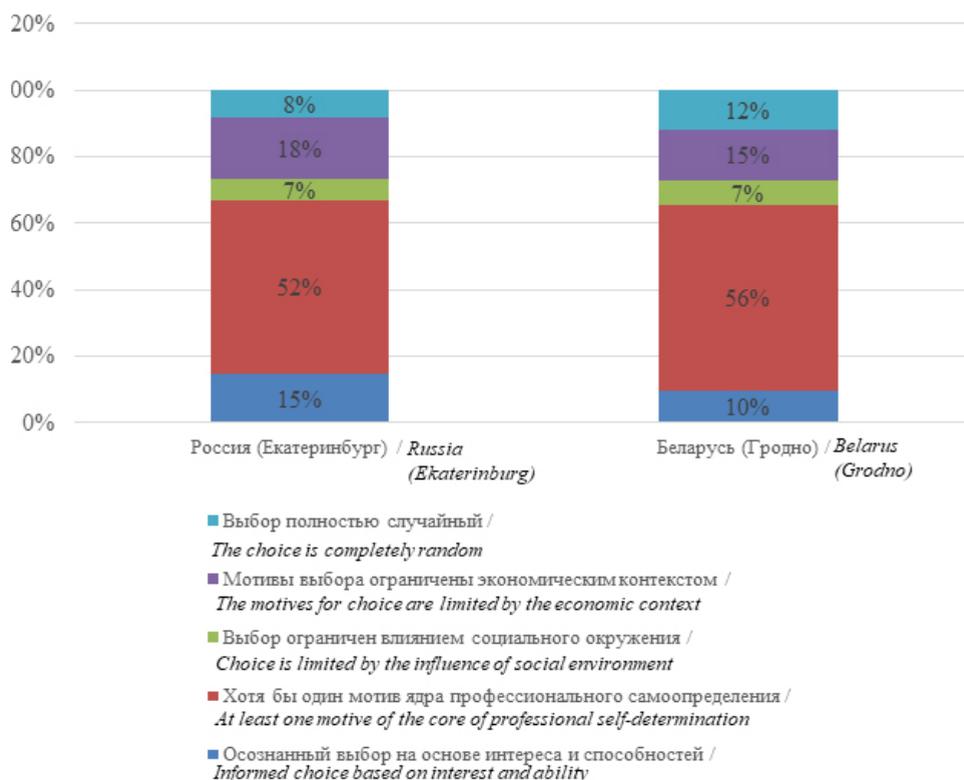

Рис. 2. Структура факторов профессионального самоопределения (% от опрошенных по странам)

Fig. 2. The structure of professional self-determination factors (% of respondents by country)

Высший уровень профессионального самоопределения включает тех, кто делает максимально осознанный выбор на основе интереса к профессии и своих способностей к ней (это каждый седьмой российский и каждый десятый белорусский студент). Далее идут те, у кого в структуре мотивов есть хотя бы один мотив ядра профессионального самоопределения (или интерес к профессии, или наличие необходимых способностей). Таковых оказалось большинство (52 % из России и 56 % из Беларуси). Суммарно 66–67 % студентов обеих стран при выборе вуза руководствуются именно мотивами профессионального самоопределения, а прочие мотивы являются сопутствующими и подкрепляют данный выбор.

Вместе с тем треть студентов при выборе вуза руководствуется не мотивами профессионального самоопределения, а прочими факторами, прежде всего экономическими (престиж вуза, возможность найти после него хорошую

работу, возможность материального обеспечения), в меньшей степени – социальными (влияние социального окружения). Примерно у каждого десятого студента (8 % в Екатеринбурге и 12 % в Гродно) выбор вуза сделан на основе только ситуационных мотивов (получилось поступить на бюджет, хватило баллов ЕГЭ/ЦТ, нужна была отсрочка от армии и т. п.) – это нижний (нулевой) уровень профессионального самоопределения. Статистически значимых отличий мотивационных аспектов профессионального самоопределения между студентами рассматриваемых стран не отмечается. Структуры факторов профессионального самоопределения студентов очень похожи.

Удовлетворенность получаемой профессией

Уровень профессионального самоопределения при поступлении в вуз определяет текущую удовлетворенность профессиональной подготовкой и самой профессией, а также уверенность в будущем. Все связи максимально значимы, хотя их сила и невысокая (таблица 4), что чаще обусловлено тем, что даже при низком уровне профессионального самоопределения удовлетворенность оказывается достаточно высокой (таблица 5).

Таблица 4

Связь уровня профессионального самоопределения с аспектами профессиональной удовлетворенности

Table 4

The relationship of the professional self-determination with aspects of professional satisfaction

Показатели удовлетворенности / <i>Satisfaction indicators</i>	Уровень профессионального самоопределения / <i>Level of professional self-determination</i>	
	Коэффициент корреляции Спирмена / <i>Spearman's correlation coefficient</i>	Значимость (двухсторонняя) / <i>Significance (two-sided)</i>
Удовлетворены ли вы сейчас осваиваемой профессией? / <i>Are you currently satisfied with the profession you are learning?</i>	0,179	< 0,001
Удовлетворены ли качеством профессиональной подготовки? / <i>Are you satisfied with the quality of professional training?</i>	0,123	< 0,001
Представляете ли вы содержание, характер и специфику осваиваемой профессии? / <i>Do you understand the content, nature and specifics of the profession you are learning?</i>	0,119	< 0,001
Удовлетворены связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей работой? / <i>Are you satisfied with the connection between the acquired knowledge, skills, and competencies and your future job?</i>	0,114	< 0,001

Даже при случайном выборе профессии уровень удовлетворенности качеством профессиональной подготовки и связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей работой достаточно высок (удовлетворены около по-

ловины респондентов из Екатеринбурга и примерно две трети из Гродно), а при более осознанном выборе доля однозначно удовлетворенных свыше 80 % (таблица 5).

Таблица 5

Удовлетворенность студентов качеством профессиональной подготовки и связью получаемых знаний и умений с будущей работой в разрезе уровней профессионального самоопределения (% от опрошенных по столбцам)

Table 5

Students' satisfaction with the quality of professional training and the connection of acquired knowledge and skills in terms of levels of professional self-determination (% of respondents by columns)

Страна опроса / Country of survey	Варианты ответа / Answer options	Уровень профессионального самоопределения / Level of professional self-determination					Всего / Total
		Выбор полностью случайный / The choice is completely random	Мотивы ограничены экономическим контекстом / Motives are limited by the economic context	Выбор ограничен социальным окружением / Choice is limited by social environment	Хотя бы один мотив ядра профессионального самоопределения / At least one motive of the core of professional self-determination	Осознанный выбор на основе интереса и способностей / Informed choice based on interest and ability	
Удовлетворенность качеством профессиональной подготовки / Satisfaction with the quality of professional training							
Россия (Екатеринбург) / Russia (Ekaterinburg)	Да / Yes	49	87	56	84	81	79
	Не очень / Not good	29	12	32	14	18	17
	Нет / No	6	1	11	2	1	3
	Затруднились ответить / Found it difficult to answer	16	-	-	-	-	1
	Итого / Total	100	100	100	100	100	100
Беларусь (Гродно) / Belarus (Grodno)	Да / Yes	69	92	78	88	89	85
	Не очень / Not good	23	8	20	12	11	13
	Нет / No	8	-	3	1	-	1
	Итого / Total	100	100	100	100	100	100
Удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей работой / Satisfaction with the connection between acquired knowledge, skills, and competencies and future work							
Россия (Екатеринбург) / Russia (Ekaterinburg)	Да / Yes	50	88	56	86	84	81
	Не очень / Not good	21	10	29	11	13	13
	Нет / No	14	2	15	3	3	4
	Затруднились ответить / Found it difficult to answer	16	-	1	0	-	1
	Итого / Total	100	100	100	100	100	100

Беларусь (Гродно) / Belarus (Grodno)	Да / Yes	66	88	83	88	89	85
	Не очень / Not good	27	7	14	11	10	12
	Нет / No	7	5	3	2	1	3
	Итого / Total	100	100	100	100	100	100

Несколько выделяется группа студентов, чей выбор вуза (профессии) был продиктован влиянием социального окружения (семьей, советами учителей и др.), где удовлетворенность профессиональной подготовкой почти такая же, как и у тех, кто профессиональный выбор делал случайно (ситуационной выбор вуза).

Таким образом, высокий уровень профессионального самоопределения на этапе поступления и выбора вуза способствуют удовлетворенности обучением и пониманию того, как получаемые знания могут быть применены в будущем, но и сам процесс обучения в вузе способствует знакомству с профессией и осознанию возможностей своей реализации в этой профессии. В результате к 3 курсу обучения студенты оказываются в большинстве своем информированы о содержании, характере и специфике осваиваемой профессии (по-прежнему не представляют себе содержание профессии лишь 4–5 % опрошенных российских и белорусских студентов). Высока и доля удовлетворенных осваиваемой профессией (90 % российских и 93 % белорусских студентов).

Доля неудовлетворенных осваиваемой профессией к 3 курсу составляет 7–10 % среди опрошенных студентов, но эта доля весьма вариативна в зависимости от исходного уровня профессионального самоопределения. Если у тех, кто делал осознанный профессиональный выбор, доля неудовлетворенных составляет всего около 3 % (т. е. на уровне ошибки выборки), то среди выбравших вуз и профессию случайно (ситуационно) доля неудовлетворенных профессией в Екатеринбурге более трети (38 %), в Гродно – почти каждый пятый (21 %). Высока доля неудовлетворенных профессией и среди студентов, делавших профессиональный выбор исключительно под влиянием социального окружения (мотивы интереса к профессии и наличие у себя соответствующих способностей не указаны в числе основных мотивов выбора вуза) – это соответственно 37 % и 32 % в России и Республики Беларусь. Примечательно, что даже у тех студентов, чьи мотивы ограничены только экономическим контекстом (профессия востребована и даст возможность обеспечить хорошее материальное положение в будущем), доля неудовлетворенных не превышает 10 % среди в обеих странах.

Планирование и целеполагание в профессиональном самоопределении

При сходстве трудовых ценностей и мотивационной структуры выбора профессии, при почти одинаковой доле удовлетворенных осваиваемой профессией после окончания вуза планируют выход на рынок труда и работу по специальности только 39 % опрошенных российских и 63 % белорусских студентов. И здесь впервые четко проявляются значимые отличия между стра-

нами (таблица 6). Отсутствие желания у белорусских студентов работать в качестве фрилансеров объясняется множеством факторов: низкий уровень социальной защищенности (по сравнению с наемными работниками), особенности налогового регулирования, неуверенность в собственных силах (характерно именно для студентов в связи с отсутствием опыта) и др.

Таблица 6

Планы после окончания вуза (% от опрошенных по странам)

Table 6

Plans after graduation (% of respondents by country)

Чем бы вы хотели заниматься после окончания вуза в первую очередь? / <i>What would you like to do first after graduation?</i>	Россия (Екатеринбург) / <i>Russia (Ekaterinburg)</i>	Беларусь (Гродно) / <i>Belarus (Grodno)</i>
Работать по специальности / <i>Work in your specialty</i>	39	63
Работать не по специальности / <i>Working outside your specialty</i>	5	3
Продолжить образование (магистратура, второе высшее) / <i>Continue education (Master's degree, second higher education)</i>	27	7
Учиться в аспирантуре, заниматься наукой / <i>Study in graduate school, do science</i>	1	1
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством / <i>Start your own business, start your own entrepreneurship</i>	5	9
Посвятить себя дому, семье, не работать / <i>Devote yourself to home, family, not to work</i>	1	1
Поехать за границу работать или учиться / <i>Go abroad to work or study</i>	2	2
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов) / <i>Work as a freelancer (independent search and implementation of services, projects)</i>	15	3
Еще нет никаких планов на будущее / <i>There are no plans for the future yet</i>	7	11
Всего / <i>Total</i>	100	100

Среди российских студентов почти в 3 раза выше доля планирующих продолжать образование, чем среди студентов Республики Беларусь, что также можно рассматривать как продолжение выбранной профессиональной траектории. Несформированность планов отмечается только у 7 % российских и 11 % белорусских студентов, но при этом около двух третей опрошенных (соответственно 61 % и 69 % в России и Республике Беларусь) не осуществляют профессиональное целеполагание (рис. 3).

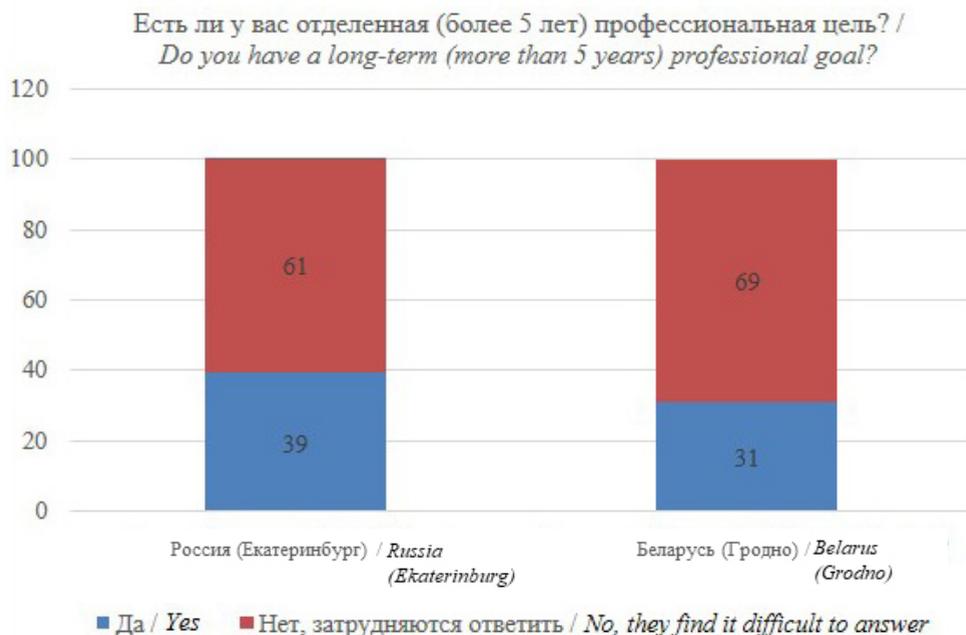

Рис. 3. Наличие отдаленной профессиональной цели (% от опрошенных по странам)

Fig. 3. The presence of a long-term professional goal (% of respondents by country)

Таким образом, хотя удовлетворены получаемой профессией 90–93 % опрошенных студентов рассматриваемых стран, какие-то отдаленные профессиональные цели есть лишь примерно у трети студентов (39 % из Екатеринбурга и 31 % из Гродно). Ниже представлено, с какими характеристиками коррелирует наличие профессиональной цели у студентов (таблица 7).

Таблица 7

Корреляции наличия профессиональной цели с аспектами профессионального самоопределения

Table 7

Correlations the presence of a professional goal with aspects of professional self-determination

Характеристики / <i>Characteristics</i>	Наличие профессиональной цели / <i>Having a professional goal</i>	
	Коэффициент корреляции Спирмена / <i>Spearman's correlation coefficient</i>	Значимость (двухсторонняя) / <i>Significance (two-sided)</i>
Ценность интересной, творческой работы / <i>The value of interesting, creative work</i>	0,113	< 0,001
Уровень профессионального самоопределения / <i>Level of professional self-determination</i>	0,120	< 0,001
в т. ч. основные мотивы поступления: / <i>including the main reasons for admission:</i> Наличие способностей именно в этой области / <i>Having abilities in this particular area</i>	0,112	< 0,001
Интерес к профессии / <i>Interest in the profession</i>	0,057	0,002
Согласно баллам ЕГЭ/ЦТ / <i>According to the Unified State Exam/Centralised Testing scores</i>	-0,116	< 0,001
Удовлетворенность осваиваемой профессией / <i>Satisfaction with the acquired profession</i>	0,115	< 0,001

Таким образом, наличие или отсутствие профессиональной цели определяется целым рядом факторов, распределенных по темпоральному вектору, начиная от исходной ценности труда как интересной и творческой работы и уровня профессионального самоопределения при выборе вуза, текущим трудовым опытом и его связанностью с получаемой профессией и заканчивая горизонтом планирования и уверенностью в своем будущем. Здесь обращают на себя внимание ситуационные мотивы (особенно поступление в вуз согласно набранным баллам ЕГЭ/ЦТ), влияние которых на наличие профессиональной цели отрицательное. Из этого следует вывод, что, делая случайный выбор профессии, даже потом получив о ней представление и воспринимая уже как удовлетворяющую, студент зачастую продолжает мыслить ситуационно, не выстраивая долгосрочной профессиональной траектории.

Фактором, препятствующим профессиональному целеполаганию у студентов, становится неопределенность социальной и экономической систем. Принимая в расчет возможные изменения, молодежь чаще всего ограничивает видение своего будущего лишь планированием действий после окончания вуза, допуская, что после выхода на рынок труда ситуация может измениться и нужно будет подстраиваться под новые условия и обстоятельства. Для достижения своих жизненных целей в том числе допускается возможность (а может

быть, и необходимость) освоить новую профессию и/или получить второе образование.

На вопрос «А что вы готовы предпринять для достижения своей цели?», где допускалась возможность выбора различных вариантов, почти половина респондентов из России (47 %) и более двух третей из Республики Беларусь (71 %) ответили, что готовы при необходимости переквалифицироваться и освоить новую профессию, а также вновь учиться для этого (рис. 4).

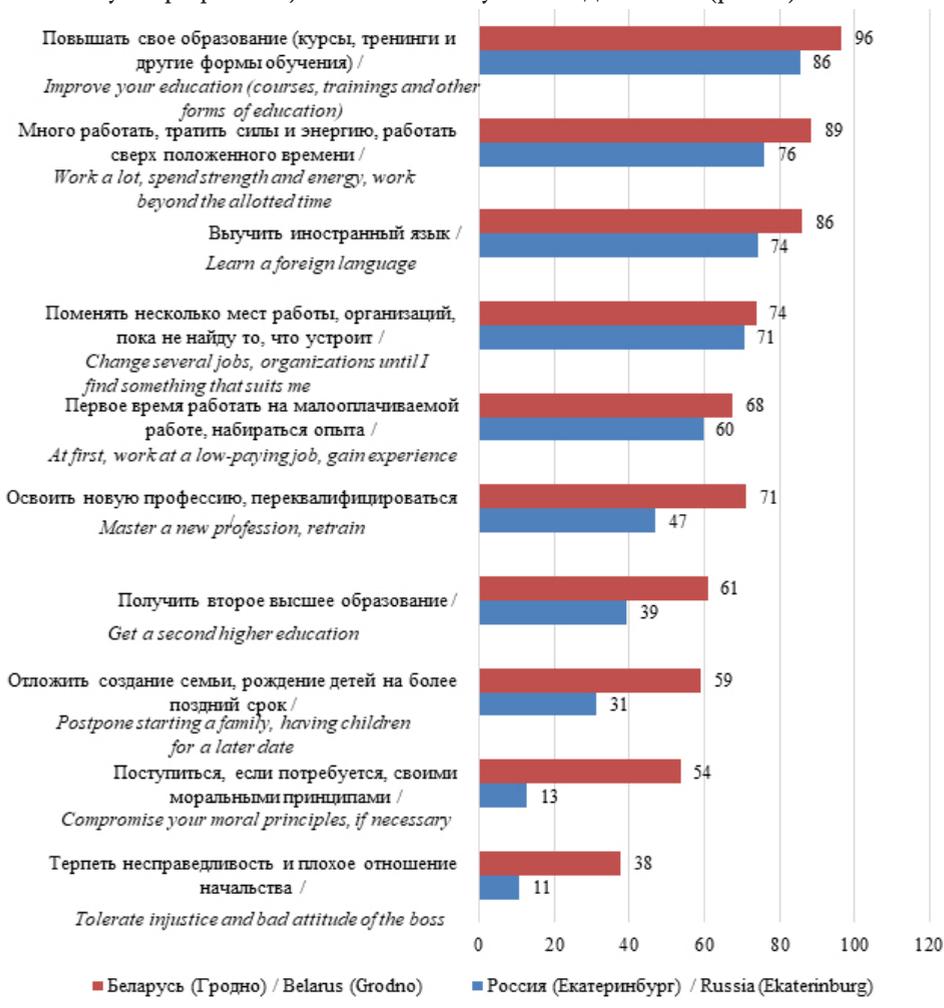

Рис. 4. Что готовы предпринять для достижения своей цели? (% от опрошенных по странам)

Fig. 4. What are you ready to do to achieve your goal? (% of respondents by country)

Таким образом, скорость социально-экономических изменений общества влияет на сознание студентов и восприятие ими своего будущего, ограничивая планирование действий краткосрочной перспективой и формируя готовность к смене траектории своего профессионального развития при необходимости.

Обсуждение

Одна из ключевых характеристик темпоральности профессионального самоопределения связана с субъективным восприятием студентами ценностных основ их трудовой деятельности. При оценке трудовых ценностей студенты ориентируются не на анализ текущей ситуации и происходящего вокруг них (тенденции рынка труда здесь и сейчас), а на постоянные императивы – индивидуальные представления о должном. Студенческая молодежь обеих стран в большей степени при выборе будущей работы (профессии) ориентирована на получение высокого дохода, им важны карьерный рост, публичное признание, возможности самореализации. Вторичным видится соответствие будущей профессиональной занятости своим способностям, знаниям и умениям молодежи. Наши данные подтверждают выводы коллеги о расширении важности для современного студенчества возможностей самовыражения и самореализации в профессии [13], доминировании мотивации самоутверждения [12]. Исследование фиксирует, что студенческая молодежь больше фокусируется на характеристиках будущей профессиональной деятельности и условиях трудовой занятости, а не на собственных возможностях (себя как будущих профессионалов).

Хотя Е. В. Боровая отмечает, что современное «цифровое» поколение ориентировано на высокотехнологичный труд [32], по данным нашего исследования, в системе трудовых ценностей (самого важного в будущей работе) связь с современной техникой, новейшими технологиями занимает последнее место, данная ценность актуальна лишь для 7 % российских студентов и 5 % из Республики Беларусь. Это достаточно интересно в контексте все большей популяризации на рынке труда специальностей IT-сектора. Возможно, это объясняется уже состоявшимся вхождением новейших технологий во многие сферы общественной жизни. Молодежь обыденно и привычно относится к современной технике, не воспринимая ее именно в качестве ценности. Использование технологий у студентов является повседневной практикой, что переносится и на их представления о трудовой деятельности.

Результаты показывают, что примерно для трети студентов (33 % в России и 34 % в Республика Беларусь) уровень профессионального самоопределения ограничивается лишь влиянием социального окружения, экономических факторов или ситуационным контекстом и не включает интерес к профессии и свои способности. В данной ситуации, например, возрастает влияние родителей при выборе будущей профессии. Этот результат соотносится с выводами И. А. Коха и В. А. Орлова, отмечающими, что половина студенческой молодежи

выбирает специальность осознанно, а треть делает выбор «произвольно-стихийно» [12].

Темпоральность профессионального самоопределения проявляется в выборе студентами учебного заведения, образовательных программ, будущей профессии. Осознанный выбор вуза и будущей профессии, который был идентифицирован как высокий уровень профессионального самоопределения, способствует не только удовлетворенности получаемым образованием, но и пониманию того, как возможно будет себя реализовать в профессии на рынке труда. При этом мы дополняем данные коллег о связи внутренней профессиональной мотивации с результативностью профессионального обучения и наличием профессиональных планов у студентов вузов. Осознанный выбор профессии предопределяет комфортность обучения для студентов. Результативность этого процесса формирует их профессиональную идентичность [18].

Жизненное планирование – важный аспект темпоральности профессионального самоопределения молодежи. Исследование позволило выявить разный временной интервал этой практики в профессиональном самоопределении белорусских и российских студентов, что обусловило место в их жизненном сценарии высшего образования. При высокой доле удовлетворенных осваиваемой профессией студентов после окончания вуза планируют выход на рынок труда чуть больше трети из числа опрошенных российских студентов (39 %) и почти двое из трех молодых белорусов (63 %). Это связано с реализацией в Беларуси процедур обязательного распределения выпускников, обучающихся за счет бюджетных средств (учреждение высшего образования обязано трудоустроить выпускника именно по специальности). В стране последние 3 года идет увеличение числа бюджетных мест при сокращении квоты внебюджетных. Ведется и активная общественная дискуссия о введении практики распределения и для студентов, которые учатся на внебюджетной основе¹. Публично обсуждаются примеры внедрения данной практики в отдельных белорусских вузах. Данный факт, на наш взгляд, предопределяет неуверенность студентов и внебюджетной формы обучения при оценке ими выбора своей профессиональной стратегии в ситуации постоянного ожидания введения системы распределения. Срок распределения составляет два года. Многие молодые специалисты рассматривают этот период как возможность приобрести опыт, сформировать необходимые на рынке труда навыки, что позволит найти более привлекательную (исходя из своих ожиданий и предпочтений) работу. Кроме того, это указывает и на ожидания молодежи от рынка труда: наличие предложений в соответствии с их квалификацией. Следует предположить, что белорусские студенты в большей мере склонны полагаться на систему государственного заказа специалистов с высшим образованием.

¹ Выпускникам приготовиться: распределение платников могут ввести в 2024 году [Электрон. ресурс] // Интернет-портал «Точка». Режим доступа: https://tochka.by/articles/life/vypusnikam_prigotovitsya_raspreделение_platnikov_mogut_vvesti_v_2024_m/?ysclid=m6dg011t7716373613 (дата обращения: 21.01.2025).

Темпоральность профессионального самоопределения сопряжена с отношением студенчества к высшему образованию в целом, с планами продолжения обучения в высшей школе. Российские студенты в большей степени ориентированы на продолжение профессионального образования в магистратуре, чем белорусские. В России в целом отмечается тренд на рост желающих продолжить образование в магистратуре: по данным мониторинга уральского студенчества, эта доля выросла с 20 % в 2020 году до 27 % в 2024 году [33]. И это не определяется желанием молодых людей получить отсрочку от военной службы, так как статистически значимых различий в ответах девушек и юношей не было выявлено. Это связано со статусом магистратуры в сравниваемых странах. В исследовании Я. В. Розановой подтверждается, что отсрочка от армии не рассматривается российскими студентами как основной мотив поступления в магистратуру, у большинства доминирует возможность профессионального карьерного роста, при том что «популярность магистратуры в российских университетах растет, так же как и увеличивается количество и улучшается качество образовательных программ» [34]. Соответственно рост желающих продолжить обучение в магистратуре – это общероссийский тренд, а не просто временная особенность уральского студенчества.

В Республике Беларусь поступить в магистратуру – получить углубленное высшее образование – можно только при наличии общего высшего или специального высшего образования, соответствующего профилю избранной специальности магистратуры¹. Даже если бакалавр, обучавшийся на бюджетной основе, поступает в магистратуру на внебюджетные места, то он обязан отработать распределение после I ступени высшего образования параллельно с учебой. Кроме того, в Беларуси углубленное высшее образование не является практико-ориентированным, а предполагает углубленную научную подготовку. В связи с этим молодежь на этапе обучения на программах бакалавриата не рассматривает магистратуру как элемент профессионального образования. В ней продолжают обучение те молодые люди, которые планируют связать свою жизнь с наукой, либо отработавшие несколько лет специалисты, четко осознавшие потребность в подготовке такого уровня для построения своей карьеры [32]. Это предопределяет и планы студенчества закончить этап получения диплома о высшем образовании, а потом зафиксировать для себя траекторию профессионального развития в будущем. С 2019 года обучение в магистратуре не является основанием для предоставления молодым людям отсрочки от службы в вооруженных силах, что сказывается на популярности получения углубленного высшего образования².

В квалификационных требованиях Республике Беларусь не отражена необходимость получения образования в магистратуре. Уход от практической

¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21.06.2024 № 441 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22400441> (дата обращения: 20.01.2025).

² Закон Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе», 5 ноября 1992 г. № 1914-XII (в ред. от 11 октября 2024 г.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=v19201914 (дата обращения: 21.01.2025).

ориентированности магистратуры (в настоящий момент – углубленное высшее образование) определил ее актуальность для молодых людей, которые желают в дальнейшем заниматься не только наукой, но и преподавательской деятельностью, в случае получения ими ранее высшего образования по педагогической специальности.

В соответствии с квалификационными требованиями в России на руководящие позиции, как правило, невозможно трудоустроиться без диплома магистратуры. Но в период обучения на программах бакалавриата квалификационные требования скорее не являются ключевым фактором, предопределяющим представления студентов об их выборе профессиональной траектории развития с продолжением образования. Во-первых, формально закрепленные квалификационные требования изменялись за последние 5 лет несущественно, а интерес российских студентов к магистратуре вырос. Во-вторых, студенты без трудового опыта весьма слабо представляют содержание квалификационных требований к позициям, где обязательно магистерское образование. Возможно, позже, уже освоившись на рынке труда, они начинают понимать, что для карьерного роста важна магистратура, и уже после этого встраивают обучение в магистратуре в свои профессиональные планы. В Республике Беларусь это решение отодвигается во времени еще дальше благодаря обязательной отработке после окончания вуза.

В процессе обучения студенты получают удовлетворение от обучения, выбора профессии, профессиональной деятельности, ориентируясь на идеальную в их сознании ситуацию. При оценке своего будущего они предполагают определенные изменения в своем профессиональном самоопределении, обусловленные состоянием рынка труда. Они допускают возможность пересмотра своей жизненной профессиональной стратегии. Российские студенты видят эти возможности в образовании уровня магистратуры. У белорусских студентов такие возможности могут появиться только после двух лет обязательного распределения. Хотя среди студентов рассматриваемых стран почти одинаковы доли удовлетворенных профессией (и эти доли достаточно высоки: 90–93 %), доли планирующих работать по специальности сильно отличаются (63 % белорусских и только 39 % российских студентов). Объясняются эти различия внешними институциональными условиями, о которых написано выше. Интересно отметить, что система распределения воспринимается студентами неоднозначно. Если предлагаемое университетом место работы не соответствует ожиданиям обучающихся, то он воспринимает это как наказание (обязательность отработки), а не как стабильность и гарантия занятости. Это подталкивает студентов заниматься поиском работы по специальности еще во время обучения, зарекомендовать себя в конкретной организации, получая возможность приобрести «персональную» заявку на распределение к этому же работодателю. Как результат – среди белорусских студентов чуть меньше, чем среди российских, доля тех, кто имеет долгосрочную профессиональную цель.

Возможно, бóльшая доля планирующих работать по специальности, а не продолжать профессиональное обучение и связана с распределением. При неуверенности в своем профессиональном выборе студенты предпочитают не продолжать обучение, а сразу отработать, чтобы потом определиться, оставаться в профессии или пробовать что-то еще. Это объясняет готовность белорусских студентов предпринимать различные меры для достижения своих целей.

Осознанное профессиональное планирование (постановка долгосрочных профессиональных целей) как главная цель профессионального самоопределения обуславливается рядом различных факторов, влияющих на темпоральность анализируемого процесса. Так, случайность выбора профессии при поступлении в вуз даже при последующем успешном освоении и принятии профессии может выступить барьером долгосрочного профессионального планирования, так как в сознании молодежи остается ситуационное восприятие настоящего и будущего. Выявленные в исследовании особенности профессионального самоопределения разных групп студентов в сравниваемых странах даже с учетом межстрановых различий, обусловленных институциональными условиями выхода молодежи на рынок труда, дополняют картину, в которой доказывается необходимость реализации в образовательном процессе сценариев прогнозирования профессионального будущего [17]; важность целенаправленного формирования у студентов профессионального мышления [22].

Для достижения профессиональных целей студенты готовы развивать свои компетенции (получать дополнительное образование, развивать навыки и умения), а также много работать, тратить силы и энергию. Но на 4 месте с достаточно большим уровнем согласия (71 % в России и 74 % в Республика Беларусь) стоит смена рабочих мест и организаций для поиска чего-то подходящего и этот ответ преобладает в сравнении с ответом «готов первое время работать на малооплачиваемой работе, набираться опыта». Желание всего и сразу несколько доминирует над готовностью постепенного накопления опыта и профессионального роста. Ради достижения своей профессиональной цели профессионального самоопределения около трети российских студентов (31 %) и более половины студентов из Белоруссии готовы отложить создание семьи, рождение детей на более поздний срок. Наши данные хорошо соотносятся с выводами D. Jackson с соавторами о том, что субъективный карьерный успех приобретают все большее значение для мотивации выпускников вузов [21].

Заключение

Темпоральность профессионального самоопределения связана с временной перспективой, которая отражается в сознании студентов от сделанного ими в прошлом выбора вуза и специальности до видения и планирования после окончания вуза своего профессионального будущего. В статье доказано, что студенты, которые в прошлом выбрали свою профессию случайным об-

разом, даже если сейчас она их устраивает, продолжают мыслить ситуативно. Они не строят долгосрочные профессиональные планы на будущее, ограничивая свои действия лишь тем, что будут делать после окончания вуза. Хотя у российских и белорусских студентов есть схожие трудовые ценности и мотивы, а также понимание содержания своей профессии, их восприятие будущего несколько различается.

Сделанные заключения имеют как теоретическое, так и практическое значение, позволяют руководителям вузов и тем людям, кто непосредственно взаимодействует со студенческим сообществом, лучше понять, как студенты выбирают профессию и как это влияет на их профессиональные цели в будущем. Результаты представленного в данной статье социологического исследования позволяют сформулировать целый ряд практических рекомендаций для руководства образовательных организаций, чтобы помочь студентам осознанно ставить профессиональные цели, так как это является важным элементом процесса их профессионального самоопределения. Цель проведенного исследования достигнута, заявленные гипотезы нашли свое подтверждение.

Социологическое исследование, результаты которого анализируются в данной статье, затрагивает молодежь только двух регионов сравниваемых стран. Однако при общих характеристиках молодого поколения и анализируемой социальной группы студентов, которые сегодня выделяют исследователи в разных странах, можно заключить, что данные и выводы будут показательны в отношении всей российской и белорусской студенческой молодежи.

Список использованных источников

1. Константиновский Д.Л. Окно, распахнутое Шубкиным: молодежь в образовании и на рынке труда. *Социологические исследования*. 2023;8:14–24. doi:10.31857/S013216250027363-2
2. Dollinger M., Nieminen J., Finneran R. A lucky draw? Theorising how work placements develop diverse university students' career stories. *Studies in Higher Education*. 2023;49(12):2599–2610. doi:10.1080/03075079.2024.2316260
3. Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. Employment of vocational graduates: still a slough or already a ford? *Educational Studies*. 2019;1:109–136. doi:10.17323/1814-9545-2019-1-109-136
4. Maltseva V., Rozenfeld N. Educational and career trajectories of the Russian youth in a longitudinal perspective: a case of university graduates. *Educational Studies*. 2022;3:99–148. doi:10.17323/1814-9545-2022-3-99-148
5. Ванкевич Е.В., Горовой С.О. Исследование трудоустройства выпускников как дополнительный инструмент оценки востребованных навыков на рынке труда молодежи. *Белорусский экономический журнал*. 2022;2:91–106. doi:10.46782/1818-4510-2022-2-91-106
6. Parziale F., Scotti I. Education as a resource of social innovation. *SAGE Open*. 2016;6(3). doi:10.1177/2158244016662691
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи. *Вестник Института социологии*. 2019;10(4):164–186. doi:10.19181/vis.2019.31.4.614
8. Хайдеггер М. *Основные проблемы феноменологии*. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа; 2001. 445 с.

9. Карадже Т.В. Темпоральность как динамическая характеристика изменений социальной системы. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2022;2:130–143. doi:10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143
10. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. *Время социальной общности*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2017. 347 с.
11. Попов В.В., Забровский В.А., Скрипниченко А.А. Специфика субъективного времени индивида в специальной социальной группе (студенческой группе). *Социология*. 2022;2:332–337.
12. Кох И.А., Орлов В.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи. *Образование и наука*. 2020;22(2):141–168. doi:10.17853/1994-5639-2020-2-143-170
13. Касьянова Т.И., Мальцев А.В., Зубова Л.В. Ценностные ориентации в профессиональном самоопределении студентов различных специальностей. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2022;2(46):72–80. doi:10.54509/22203036_2022_2_72
14. Libkowska U., Lusena-Ezera I. Development of youth professional interests in accordance with labour market requirements. *Global Journal of Business, Economics and Management*. 2017;7(2):225–236. doi:10.18844/gjbem.v7i2.2952
15. Che Musa M., Bernabé E., Gallagher J. Career expectations and influences among dental students in Malaysia. *International Dental Journal*. 2016;66(4):229–236. doi:10.1111/idj.12224
16. Дидковская Я.В., Трынов Д.В., Чистяков П.А. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего. *Социологические исследования*. 2023;9:63–77. doi:10.31857/S013216250027778-8
17. Lah M. The professional skills of future language teachers: the case of Slovenian students. *XLinguae*. 2022;15(4):38–48. doi:10.18355/XL.2022.15.04.04
18. Зеер Э.Ф., Кормильцева М.В. Профессиональное самоопределение студентов в условиях социально обусловленных конфликтующих реальностей. *Образование и наука*. 2012;10:79–87. doi:10.17853/1994-5639-2012-10-79-87
19. Mylrea M., Gupta T., Glass B. Developing professional identity in undergraduate pharmacy students: a role for self-determination theory. *Pharmacy*. 2017;5(2). doi:10.3390/pharmacy5020016
20. Burke C., Scurry T., Blenkinsopp J. Navigating the graduate labour market: the impact of social class on student understandings of graduate careers and the graduate labour market. *Studies in Higher Education*. 2019;45(8):1711–1722. doi:10.1080/03075079.2019.1702014
21. Jackson D., Bridgstock R., Lambert C. Subjective career success among new graduates and the role of personal factors. *Education and Training*. 2024;66(7):964–980. doi:10.1108/ET-01-2024-0035
22. Flores M.I., Espinosa C.L., Calero L.M. Professional profile by competences and employability in the teaching training of university students. *Revista Internacional de Investigación en Ciencias Sociales*. 2021;17(2):417–432. doi:10.18004/riics.2021.diciembre.417
23. Souto-Otero M., García-Álvarez J., Santos-Rego M. Subject choice motivation and students' conceptions of employability: thin and thick. *British Journal of Sociology of Education*. 2023;44(4):606–630. doi:10.1080/01425692.2023.2203364
24. Lamanauskas V. Lithuanian gymnasium students' career and professional self-determination. *Psychological Thought*. 2018;11(2):148–173. doi:10.5964/psyc.v11i2.308
25. Ngai S., Cheung C., Yuan R. Effects of vocational training on unemployed youths' work motivation and work engagement: mediating roles of training adequacy and self-actualization. *Children and Youth Services Review*. 2016;64:93–100. doi:10.1016/j.childyouth.2016.02.020
26. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021;21(3):469–481. doi:10.22363/2313-2272-2021-21-3-469-481

27. Титаренко Л.Г. Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая. *Гуманитарий Юга России*. 2023;12(1):124–141. doi:10.18522/2227-8656.2023.1.10
28. Reyneke M., Botha C. The professional orientation of first year student teachers in a non-placement work-integrated learning program. *International Journal of Work-Integrated Learning*. 2020;21(3):303–316. Accessed November 20, 2024. https://www.ijwil.org/files/IJWIL_21_3_303_316.pdf.
29. Lundqvist C. Time horizons in young people's career narratives – strategies, temporal orientations and imagined parallel futures negotiated in local settings. *Education Inquiry*. 2020;11(4):379–396. doi:10.1080/20004508.2019.1601000
30. Wang Y. Research on career planning education for college students. *Journal of Contemporary Educational Research*. 2023;7(12):192–196. doi:10.26689/jcer.v7i12.5789
31. Jagielska K. Motivation as a factor in educational and professional career planning of generation Z. *Labor et Educatio*. 2022;10:95–111. doi:10.4467/25439561LE.22.008.17534
32. Боровая Е.В. Трудоустройство молодежи в Республике Беларусь. *Вестник академии МВД Республики Беларусь*. 2022;2(44):9–14. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54779512> (дата обращения: 20.11.2024).
33. Багирова А.П., Банникова Л.Н., Бледнова Н. Д. [и др.] *Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.)*: монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: издательство Уральского университета; 2021. 372 с. Режим доступа: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/105775> (дата обращения: 10.01.2025).
34. Розанова Я.В. Эволюция магистратуры в системе высшего профессионального образования: индикаторы и цифры. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2023;12(2):8–23. doi:10.57769/2227-8591.12.2.01

References

1. Konstantinovskiy D.L. The window opened by Shubkin: youth in education and the labor market. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2023;8:14–24. (In Russ.) doi:10.31857/S013216250027363-2
2. Dollinger M., Nieminen J., Finneran R. A lucky draw? Theorising how work placements develop diverse university students' career stories. *Studies in Higher Education*. 2023;49(12):2599–2610. doi:10.1080/03075079.2024.2316260
3. Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. Employment of vocational graduates: still a slough or already a ford? *Educational Studies*. 2019;1:109–136. doi:10.17323/1814-9545-2019-1-109-136
4. Maltseva V., Rozenfeld N. Educational and career trajectories of the Russian youth in a longitudinal perspective: a case of university graduates. *Educational Studies*. 2022;3:99–148. doi:10.17323/1814-9545-2022-3-99-148
5. Vankevich E.V., Gorovoy S.O. The study of graduates' employment as an additional tool for in-demand skills in the youth labor market analysis. *Belorusskij jekonomicheskij zhurnal = Belarusian Economic Journal*. 2022;2:91–106. (In Russ.) doi:10.46782/1818-4510-2022-2-91-106
6. Parziale F., Scotti I. Education as a resource of social innovation. *SAGE Open*. 2016;6(3). doi:10.1177/2158244016662691
7. Zubok Y.A., Chuprov V.I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019;10(4):164–186. (In Russ.) doi:10.19181/vis.2019.31.4.614

8. Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii = The Main Problems of Phenomenology*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School; 2001. 445 p. (In Russ.)
9. Karadzhe T.V. Temporality as a dynamic characteristic processes and changes in the social system. *Lokus: ljudi, obshchestvo, kul'tury, smysly = Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022;2:130–143. (In Russ.) doi:10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143
10. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. *Vremja social'noj obshhnosti = The Time of Social Community*. Ekaterinburg: University of the Humanities; 2017. 347 p. (In Russ.)
11. Popov V.V., Zaborovsky V.A., Skripnichenko A.A. The specifics of an individual's subjective time in a special social group (student group). *Sociologija = Sociology*. 2022;2:332–337. (In Russ.)
12. Koch I.A., Orlov B.A. Values and professional identity of student-age population. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2020;22(2):141–168. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2020-2-143-170
13. Kasyanova T.I., Maltsev A.V., Zubova L.V. Value orientations in professional self-determination of students of various specialties. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*. 2022;2(46):72–80. (In Russ.) doi:10.54509/22203036_2022_2_72
14. Libkovska U., Lusena-Ezera I. Development of youth professional interests in accordance with labour market requirements. *Global Journal of Business, Economics and Management*. 2017;7(2):225–236. doi:10.18844/gjbem.v7i2.2952
15. Che Musa M., Bernabé E., Gallagher J. Career expectations and influences among dental students in Malaysia. *International Dental Journal*. 2016;66(4):229–236. doi:10.1111/idj.12224
16. Didkovskaya Y.V., Trynov D.V., Chistyakov P.A. Students' professional strategies in the context of the image of the social future. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2023;9:63–77. (In Russ.) doi:10.31857/S013216250027778-8
17. Lah M. The professional skills of future language teachers: the case of Slovenian students. *XLinguae*. 2022;15(4):38–48. doi:10.18355/XL.2022.15.04.04
18. Zeer E.F., Kormiltseva M.V. Students' professional self-determination in the context of the socially conditioned conflicting realities. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2012;10:79–87. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2012-10-79-87
19. Mylrea M., Gupta T., Glass B. Developing professional identity in undergraduate pharmacy students: a role for self-determination theory. *Pharmacy*. 2017;5(2). doi:10.3390/pharmacy5020016
20. Burke C., Scurry T., Blenkinsopp J. Navigating the graduate labour market: the impact of social class on student understandings of graduate careers and the graduate labour market. *Studies in Higher Education*. 2019;45(8):1711–1722. doi:10.1080/03075079.2019.1702014
21. Jackson D., Bridgstock R., Lambert C. Subjective career success among new graduates and the role of personal factors. *Education and Training*. 2024;66(7):964–980. doi:10.1108/ET-01-2024-0035
22. Flores M.I., Espinosa C.L., Calero L.M. Professional profile by competences and employability in the teaching training of university students. *Revista Internacional de Investigación en Ciencias Sociales*. 2021;17(2):417–432. doi:10.18004/riics.2021.diciembre.417
23. Souto-Otero M., García-Álvarez J., Santos-Rego M. Subject choice motivation and students' conceptions of employability: thin and thick. *British Journal of Sociology of Education*. 2023;44(4):606–630. doi:10.1080/01425692.2023.2203364
24. Lamanaukas V. Lithuanian gymnasium students' career and professional self-determination. *Psychological Thought*. 2018;11(2):148–173. doi:10.5964/psyc.v11i2.308
25. Ngai S., Cheung C., Yuan R. Effects of vocational training on unemployed youths' work motivation and work engagement: mediating roles of training adequacy and self-actualization. *Children and Youth Services Review*. 2016;64:93–100. doi:10.1016/j.childyouth.2016.02.020

26. Danilov A.H., Rotman D.G. The youth of contemporary Belarus: Basic values, life plans and behavioral strategies. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija = RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(3):469–481. (In Russ.) doi:10.22363/2313-2272-2021-21-3-469-481
27. Titarenko L.G. The changing value of higher education: comparative analysis of Belarus, Russia, China. *Gumanitarij Juga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023;12(1):124–141. (In Russ.) doi:10.18522/2227-8656.2023.1.10
28. Reyneke M., Botha C. The professional orientation of first year student teachers in a non-placement work-integrated learning program. *International Journal of Work-Integrated Learning*. 2020;21(3):303–316. Accessed November 20, 2024. https://www.ijwil.org/files/IJWIL_21_3_303_316.pdf
29. Lundqvist C. Time horizons in young people's career narratives – strategies, temporal orientations and imagined parallel futures negotiated in local settings. *Education Inquiry*. 2020;11(4):379–396. doi:10.1080/20004508.2019.1601000
30. Wang Y. Research on career planning education for college students. *Journal of Contemporary Educational Research*. 2023;7(12):192–196. doi:10.26689/jcer.v7i12.5789
31. Jagielska K. Motivation as a factor in educational and professional career planning of generation Z. *Labor et Educatio*. 2022;10:95–111. doi:10.4467/25439561LE.22.008.17534
32. Borovaya E.V. Youth employment in the Republic of Belarus. *Vestnik akademii MVD Respubliki Belarus' = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*. 2022;2(44):9–14. (In Russ.) Accessed November 20, 2024. <https://elib.amia.by/handle/docs/8549>
33. Vishnevskii Y.R. *Molodezh' o budushhem Rossii i o sebe: vyzovy nastojashhego i konstruirovanie gorizontov grjadushhego (po materialam VIII jetapa monitoringa dinamiki sociokul'turnogo razvitiya ural'skogo studenchestva 1995–2020 gg.) = Young People about the Future of Russia and about Themselves: The Challenges of the Present and the Construction of Horizons of the Future (Based on the Materials of the VIII Stage of Monitoring the Dynamics of the Socio-Cultural Development of the Ural Student 1995–2020)*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House; 2021. 372 p. (In Russ.)
34. Rozanova Y.V. Evolution of master's programme in higher education System: numerical indicators. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze = Teaching Methodology in Higher Education*. 2023;12(2):8–23. (In Russ.) doi:10.57769/2227-8591.12.2.01

Информация об авторах:

Певная Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-3591-1181. E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-9448-2893. E-mail: a.n.tarasova@urfu.ru

Телепаева Дарья Федоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-9940-8019. E-mail: daria.telepaeva@urfu.ru

Щербинин Сергей Николаевич – кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела менеджмента качества, доцент кафедры политологии и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь; ORCID 0000-0002-5461-5727. E-mail: s.scherbinin@grsu.by

Вклад соавторов:

М.В. Певная – подготовка содержания основного текста статьи.

А.Н. Тарасова – разработка концепции статьи, работа с данными, проведение статистических расчетов.

Д.Ф. Телепаева – подготовка обзора литературы, оформление текста статьи.

С.Н. Щербинин – дополнение обзора литературы по проблематике исследований и интерпретации данных.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; поступила после рецензирования 21.01.2025; принята к публикации 05.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Maria V. Pevnaya – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Sociology and Public Administration Technologies Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; ORCID 0000-0003-3591-1181. E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

Anna N. Tarasova – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Sociology and Public Administration Technologies Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; ORCID 0000-0002-9448-2893. E-mail: a.n.tarasova@urfu.ru

Daria F. Telepaeva – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Sociology and Public Administration Technologies Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; ORCID 0000-0002-9940-8019. E-mail: daria.telepaeva@urfu.ru

Siarhei N. Shcharbinin – Cand. Sci. (Sociology), Head of Quality Management Department, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus; ORCID 0000-0002-5461-5727. E-mail: s.scherbinin@grsu.by

Contribution of the authors:

M.V. Pevnaya – preparation of the content of the main text of the article.

A.N. Tarasova – development of the concept of the article, work with data, statistical calculations.

D.F. Telepaeva – preparation of literature review, design of the text of the article.

S.N. Shcharbinin – addition to the literature review on research and data interpretation.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 10.10.2024; revised 21.01.2025; accepted 05.02.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.